

В ПОТОКЕ КНИГ

А.А. Воронин

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА (ОБЗОР)

Аннотация: обзор пяти вышедших в ИФ РАНе сборников «Биоэтика и гуманитарная экспертиза»¹ предпринят с целью суммировать исследования за истекшие 4 года, дать панораму обоснований, подходов, методов и приложений гуманитарной экспертизы. Классификация позиций ученых по обсуждаемым вопросам учитывает исторический аспект — генезис и эволюцию развития соответствующих исследований. Наряду с теоретическими разработками рассматриваются практические примеры гуманитарной экспертизы в разных областях деятельности.

Ключевые слова: философия, гуманитарная экспертиза, метод, биоэтика, междисциплинарность, объект, предмет, цели и процедуры, риски и последствия, мораль, политика, технологии.

В 2008 г. под редакцией д.ф.н. Ф. К. Майленовой вышли в свет первые два выпуска сборников «Биоэтика и гуманитарная экспертиза», подготовленные в отделе комплексных проблем изучения человека. В последующие годы эти выпуски стали регулярными, — в 2009 вышел № 3, в 2010 — № 4, № 5 — в 2011, а № 6 — в 2012 г. Задача данного обзора — суммировать исследования по проблематике гуманитарной экспертизы (ГЭ), опубликованные в этих изданиях. (Ссылки приводятся по этому изданию, указываются номера выпусков и страницы.) При этом автор не ставит задачу анализа материалов и выражения субъективного отношения к текстам. Речь идет лишь о том, чтобы дать по возможности более панорамный взгляд на разработку темы, на структуру, проблемный диапазон и ее практические приложения. Максимум субъективизма, который может быть со-

держательно оправдан, — это пересказ «своими словами», т.е. некоторая дистанцированность от терминологии и стилистики авторов статей — ведь общий понятийный язык комплексных, междисциплинарных и тансдисциплинарных исследований только складывается.

Самые общие представления о гуманитарной экспертизе мы находим не в указанных сборниках, а в статье И.И. Ашмарина и Б.Г. Юдина «**Основы гуманитарной экспертизы**», напечатанной в журнале «Человек» в 1997 г., в № 3. (Позволю себе первый и последний раз обратиться к текстам за пределами обозреваемого цикла изданий, поскольку эту статью можно считать рамочной).

Авторы постулируют необходимость особого рода систематически организованной деятельности, направленной на прогнозирование угроз для человеческого потенциала. Ядром такого рода деятельности, пишут авторы, должна быть гуманитарная экспертиза. Общие принципы и средства осуществления гуманитарной экспертизы только предстоит определить. В этой сфере и в отечественной, и в мировой литературе пока что, к сожалению, больше деклараций и пожеланий, чем конкретных результатов.

Рассматривая концепцию Г. Скирбекка, авторы обращают внимание на одно важное обстоятельство: основные процедуры гуманитарной экспертизы, такие, как широкое междисциплинарное обсуждение конкретных решений и проектов, согласование разнонаправленных интересов и т.п., не есть нечто неведомое и экзотическое; на-

¹ Биоэтика и гуманитарная экспертиза: Пробл. геномики, психологии и виртуалистики / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. Отв. ред. Ф.Г. Майленова. М.: ИФ РАН, 2008. 223 с.

Биоэтики и гуманитарная экспертиза. Вып. 2 / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. Отв. ред. Ф.Г. Майленова. М.: ИФ РАН, 2008. 230 с.

Биоэтики и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып. 3 / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. Отв. ред. Ф.Г. Майленова. М.: ИФ РАН, 2009. 236 с.

Биоэтики и гуманитарная экспертиза. Вып. 4 / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. Отв. ред. Ф.Г. Майленова. М.: ИФ РАН, 2010. 255 с.

Биоэтики и гуманитарная экспертиза. Вып. 5 / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. Отв. ред. Ф.Г. Майленова. М.: ИФ РАН, 2011. 252 с.

против, они чрезвычайно широко используются людьми во множестве самых разнообразных практических ситуаций. Однако используются не на систематической основе и нецеленаправленно. При этом существенно, что результатом гуманитарной экспертизы должно стать не только собственное решение, основанное на согласовании разнонаправленных интересов, но и изменение, уточнение и корректировка позиций всех участников диалога.

Основные составляющие гуманитарной экспертизы:

- Объект ГЭ шире, чем научно-технические или социальные новации, объектом экспертизы может быть состояние (а также и динамика изменения) человеческого потенциала страны в целом — в этом случае речь может идти о фундаментальной гуманитарной экспертизе. Если же имеются в виду конкретные технологии — понимаемые как производственные либо социальные процессы, то объектом экспертизы могут быть как новые, так и существующие технологии, особенно если они обнаруживают негативные эффекты. Далее, представляется вполне естественным, а во многих случаях — и просто необходимым — гуманитарная экспертиза решений и действий властных структур, чтобы предвидеть и скорректировать как прямые, так и побочные, в том числе и отдаленные, их неблагоприятные последствия. И, наконец, последнее соображение об объекте гуманитарной экспертизы. Было бы неверно трактовать экспертизу всякой новой технологии как одноразовое мероприятие. Необходимо на систематической основе отслеживать все новые и новые явления и эффекты, порождаемые ею, оценивать вновь обнаруживающиеся ее возможности, также и факторы вызываемого ею риска.
- Субъект ГЭ. Согласно концепции Г. Скирбекка, субъект гуманитарной экспертизы оказывается довольно-таки размытым, поскольку фактически он выступает как непрерывный диалог различающихся по своим интересам и ценностным установкам социальных групп. Операционализировать эти представления можно учитывая, что — процедура ГЭ комплексная и междисциплинарная. Поэтому необходимо участие в ней квалифицированных специалистов из разных областей знания.
- Цели ГЭ. Основной целью экспертизы конкретной социальной или технологической

практики является определение, оценка факторов риска, которые потенциально или актуально несет в себе данная технология, и возможностей корректирующих воздействий. Не менее важно, чтобы экспертиза была одновременно нацелена на выявление заложенных в этой технологии новых возможностей для развития и реализации человеческого потенциала. Таким образом, результатом экспертизы должен стать итоговый баланс положительных и отрицательных эффектов различных аспектов технологии с представлением возможных корректирующих воздействий.

Гуманитарная экспертиза государственных решений, федеральных и региональных программ, проектов, инициатив могла бы стать эффективным инструментом стратегической и тактической корректировки всей социальной (и культурной — в той мере, в какой о ней вообще можно говорить) политики государства. При этом существенно, что такая экспертиза позволит систематически различать и разграничивать то, что:

1. государство может сделать уже сейчас;
 2. может сделать в обозримой перспективе;
 3. неподвластно ему в принципе ни сейчас, ни в перспективе.
- Специфика ГЭ. Для гуманитарной экспертизы характерно особое соотношение специальных, технических моментов, с одной стороны, и того, что относится к сфере ценностей, — с другой. Проблема в том, что «объективность» и «обоснованность» здесь принципиально иные, отличные, скажем, от обоснованности решений технико-экономической экспертизы. Ведь «материя», с которой имеет дело гуманитарная экспертиза, — это именно интересы и ценности, т.е. то, что определяется человеческой субъективностью. Поэтому, между прочим, для гуманитарной экспертизы принципиальное значение имеет то, что она строится как диалог, как коммуникация индивидов и групп, обладающих существенно разными интересами и ценностными установками. В этом смысле она представляет собой механизм согласования, подготовки компромиссных решений и, помимо всего прочего, выхода на более фундаментальные уровни общих интересов, выработки платформ, на которых возможен переход от логики противостояния и конфронтации к логике объединения и взаимодействия. Более того,

гуманитарная экспертиза — это не просто средство для перехода к такой логике, в ней же самой складывается канал гуманитарной коммуникации. Опыт такой коммуникации — еще один специфический результат и еще одна цель ГЭ.

Теперь обратимся к текстам сборников, чтобы увидеть и генезис, и модификации предложенной позиции.

1. *Исходный пункт проблемы ГЭ — с каких позиций она может быть организована*

Мнений несколько, их можно сгруппировать следующим образом:

✓ *Понятие человеческой природы*

Казалось бы, что надежной опорой ГЭ может быть нечто существенное и общее всем людям, то есть то, что философы именуют человеческой природой, или родовой сущностью. Однако определить ее не так просто. Ф.Г. Майленова (вып. 2) пишет, что представление о неизменной природе человека лежит в основе множества мировоззренческих систем... Тем не менее — особенно сегодня — эти представления существенно меняются. Вопрос об изменчивости человеческой природы остается открытым. И телесность («биотехнологии уже сегодня способны изменить природу человека «изнутри», на клеточном уровне»; см.: стр. 86), и духовность человека видоизменяются как по воле человека, так и помимо ее — за счет СМИ, пропаганды, сектантства, корпоративных групповых экспектаций и т.д. Поэтому вряд ли убеждение в стабильности природы человека может лечь в основу ГЭ.

Этот мотив звучит еще более радикально в статье П.Д. Тищенко (вып. 3, стр. 119). Он видит сущность человека в стремлении выйти за свои природные границы, встать по ту сторону человеческого в человеке. И устранить эту дилемму можно лишь приняв этот парадокс за данность и «переосмыслив идею ответственности в ситуации имманентного становления иным» (стр. 120). Топикой эволюции человека становится возможность становиться другим, и поэтому риски и опасности имманентны самому бытию человека — и чем дальше, тем сильнее.

Б.Г. Юдин предлагает не абсолютизировать грань между биологическим и социальным, используя концепцию конструирования и реконструирования человеческого существования. Прошлый век отработал и отверг проекты совершенствования и человека, и общества в целом, опираясь или на «природные», или на человеческие, социальные детерминанты. Альтернативы этим проектам активно складываются в биомедицинских, генетических, нейрофизиологических и нанотехнологических исследованиях, хотя и не имеют пока однозначной этической и гуманитарной валентности (вып. 1, стр. 3-24). Эта проблематика еще более запутывается с возникновением новой евгеники и проблематизацией казалось бы еще вчера явных границ между человеком и остальным миром. В вып. 5 автор размышляет о гранях между «живым» и «неживым», человеческим и нечеловеческим в зоне репродукции, в зоне отношений «человек — животное», «человек — техника» и приходит к заключению, что мы пока еще далеки от единого ответа на вопрос о том, что есть человек, и каковы перспективы изменения человеческой природы (см.: стр. 13-33).

✓ *Универсальные моральные принципы*

Т.В. Мишаткина фиксирует проблемную ситуацию так: несмотря на то, что есть признанные универсальные этические принципы, зафиксированные в международных документах, таких, как Нюрнбергский кодекс (1947 г.), Хельсинкская декларация (1964), Конвенция Совета Европы (1996) и др., конкурируют их трактовки. Применительно к био- и медицинской этике они могут быть охарактеризованы следующим образом:

- *принципалистский*, ориентирующий медика на рефлексию по поводу высших моральных ценностей и биоэтических принципов, обеспечивающих Благо пациента;
- *казуистический*, отвечающий требованиям бурно развивающейся биомедицинской науки и вариативности ситуаций в современной медицине базирующийся на безоговорочном признании Автономии пациента;
- *институционально-организационный*, основанный на междисциплинарном подходе, соответствующий постмодернистской эпохе «управляемой» этики, более всего «озабоченный» соблюдением принципа Справедливости.

На взгляд автора, особенностью *отечественной биоэтики* является *интегративный*

подход, требующий объединения в деятельности врача и исследователя всех этих подходов (вып. 1, стр. 28).

Белорусская исследовательница Я.С. Яскевич дополняет: в отличие от западной биоэтики, где кодифицированы в праве и закреплены институционально либеральные ценности прав человека в области биомедицины, у нас эта система только складывается. «Разработка нравственных норм и принципов, регламентирующих практические действия людей в процессе исследования природы и человека, моральных критериев социальной деятельности по преобразованию окружающей среды, оценка роли и места человека в рамках биологической реальности, теоретических оснований концепции коэволюции общества и природы, статуса категорий жизни и смерти — таков диапазон отечественной модели биоэтики» (вып. 1, стр. 56).

✓ *Культурные основания конкретных социумов*

Я.В. Чеснов в ряде публикаций неявно, а в статье «Родильный антропогенез» (вып. 1, стр. 96) эксплицитно, вводит понятие культуросенноза, которое охватывает круг приспособительной деятельности конкретного сообщества. Именно культуросенноз является для автора отправной точкой ГЭ, поскольку в него вписаны ментальные и поведенческие скрепы исторических и этнических типов сообществ.

2. Предмет

В начале 70-х гг. прошлого века И.Т. Фролов высказал ряд суждений, «положивших начало нескольким направлениям научных исследований в нашей стране: глобалистике, биоэтики, гуманитарной экспертизе» (вып. 3, авторы серии статей с реконструкцией взглядов И.Т. Фролова Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков, стр. 87). В контексте дискуссии сциентистской и аксиологической ориентаций науки И.Т. Фролов поставил принципиальный вопрос о внесении гуманистического основания в науку. Методологической опорой новой ориентации научного познания должна была стать «общая антропология», в которой планировалось преодолеть дуализм «души» и «тела», естественнонаучного подхода и аксиологии. Отсюда и вышла идея гуманитарной экспертизы как работающей системы, сочетающей естественнонаучное познание, гуманитарные исследования, политические решения и соответствующие орга-

низационные формы, координирующие всю эту систему (стр. 90). Главным звеном этой системы философ считал идею гуманитарных, социально-этических принципов регулирования научных исследований. Намечая контуры такого регулирования, И.Т. Фролов стремился преодолеть опасность субъективизма при ценностной трактовке науки — он «распространяет критерий объективности и на ценностные суждения в науке» (стр. 92). Особенность ГЭ в том, что она ставит вопрос о гуманистической эффективности науки.

Идеи общей антропологии, всеобщего человековедения, общей методологии и единой логики познания были очень популярны в последней четверти XX века, однако они так и остались проектами. Однако проблема разных методов наук о природе и о человеке остается одной из главных методологических трудностей ГЭ Г.Л. Белкина и С.Н. Корсаков (вып. 5, стр. 68) акцентируют интегрирующую роль философии в целостном понимании человека, реконструируя воззрения И.Т. Фролова и аргументируя свою позицию. Природе человека они предлагают понимать «как специфическую ему биологию, включающую развитый мозг, прямохождение, руку, способную к универсальному действию, и членораздельную речь (стр. 77). Благодаря этому набору свойств человек сам выделил себя из природы за счет предметно-преобразующей деятельности. Специфика человека — в его социальности, которая есть посредник между телом и духом (стр. 79). Отсюда вывод — философская антропология увязнет в бесплодных спорах о человеческой природе, если не представит свой предмет как диалектика развития человека (стр. 80). Развитие это идет по многим направлениям, меняя и среду обитания, и самого человека, включая его познание, поэтому целостность человека может быть постигнута комплексным изучением — на общей «философской площадке», каковой был задуман и создан Институт человека.

Б.Г. Юдин предлагает свое видение этой проблемы, различая два типа научного познания. Первый тип — «объектом которого является человек, другой же тип направлен на все те объекты, которые мы не относим к роду человека» (вып. 3, стр. 2). «Биологические представления людей изначально характеризуются не только отнесенностью к специфическому классу объектов и явлений, но и специфическим же, эмоционально и ценностно окрашенным типом отнесенности к ним. Иначе говоря, человек не просто воспри-

нимает некоторые объекты и замечает, что они наделены качеством жизни — само восприятие строится на основе осмысления практики его взаимодействий с такого рода объектами.

А поскольку эта практика в ходе истории меняется, изменяются и ее ценностные характеристики и ее осмысление в рамках биологического познания...

С появлением науки и превращением биологического познания в один из ее разделов эта ценностная выделенность живого продолжает сохраняться, получая вместе с тем новые формы своего выражения. Познавательное отношение к живому обретает в контексте науки все большую степень самодостаточности, а воздействие на него практически-деятельностных и ценностных моментов становится все более опосредованным. Напротив, с течением времени сами результаты научного биологического познания начинают все более интенсивно влиять на практическую деятельность, прежде всего в таких ее сферах, как сельское хозяйство и медицина, но далеко не только в них.

Становясь научным, биологическое познание начинает вместе с тем решать и такие задачи, которые характерны для науки в целом, а именно: получение систематизированных, доказательных, обоснованных знания о мире и выработка научных объяснений. Такие объяснения, должны удовлетворять определенной исторически меняющейся совокупности идеалов и норм — тому, что называют стандартами или эталонами научности (вып. 3, стр. 25). Итак, если биология артикулирует отношение к жизни как к ценности, наука в целом утверждает ценность самого научного познания, рационального отношения к миру (стр. 26).

«В целом же мы можем понимать взаимодействие биологического и социального как то, что имеет место, является значимым и реализуется не в некоторых выделенных точках континуума человеческого существования, а на всем его протяжении... Такое понимание не требует редукционистских подходов, человек понимается как целостность. Такой подход дает нетривиальные результаты» (стр. 30).

Насколько широко может пониматься предмет ГЭ, можно судить по нескольким публикациям. П.Д. Тищенко связывает диапазон ГЭ с гранью человеческого и *вне*-человеческого в самом человеке, поскольку в сущность, в природу человека впи-

сана креативная программа его самоизменения. Неуправляемость и неконтролируемость этого стремления выйти за свои собственные границы, в том числе на фундаментальном биологическом уровне, несет в себе существенные риски (вып. 2, стр. 104). «Опасность вырастает именно из того источника, в котором новоевропейский человек черпал средства своего спасения» (стр. 103). Беда в том, что этическая оценка этих рисков связана с отсутствием единой моральной перспективой. Ответом на ситуацию неопределенности точки отсчета стало создание биоэтики — сферы дисциплинированной мысли, осознающей себя как попытка мыслить множественность как условие рациональных суждений (стр. 107). И первым шагом на пути к моральному согласию должен стать отказ от насильственного навязывания своей моральной (политической, религиозной и т.п.) позиции тем, кто придерживается иных взглядов. Поскольку глобализация с необходимостью ведет к «формированию общих для всего человечества структур жизненного мира» (стр. 119), существенно расширяются рамки моральной ответственности — речь идет о необходимости контроля человечества в целом над последствиями действий в глобальном масштабе. Наследуя биоэтическую идею, ГЭ, во-первых, расширяет ее далеко за рамки биомедицины (мультидисциплинарность), во-вторых, разрабатывает процедуры согласования решений в условиях принципиальной множественности моральных и других критериев, в-третьих, делает процедуру согласования длящимся институционально организованным процессом (стр. 126).

Идею мультидисциплинарности развивает Е.Г. Гребенщикова, выводя ее на уровень трансдисциплинарности. Становление трансдисциплинарности связано со специализацией и дифференциацией науки, бурным развитием наукоемких технологий, появлением комплексных проблем, поиск решений которых актуализировал не только необходимость синергии дисциплинарного знания, но и обращение к сфере жизненного мира с его ценностными установками и этическими регулятивами (вып. 4, стр. 140). Знание становится по необходимости интегральным, включающим в себя нетрадиционные критерии, в том числе этические, а исследовательские коллективы — гибридными сообществами (стр. 145). При этом встает задача не только координировать совместную работу ученых разных специальностей, но выработать

общий язык, понятный ученым и публике, которой экспертиза предназначена.

3. *Метод*

Вот в понимании методов ГЭ во всей полноте раскрывается тезис о множественности и авторском субъективизме. Субъективизм в данном случае — не произвол и не авторский вкус, а стремление, путь к объективности, но обоснование и векторы этого пути разнообразны. Есть ли в разных трактовках метода ГЭ некие инварианты — покажет специальный анализ. Наша задача — сопоставить и классифицировать эти трактовки.

П.Д. Тищенко обосновывает ГЭ биоэтики путем археологической, по его терминологии, раскопки оснований, начал биоэтики (см.: вып. 4, стр. 192). Такой поиск одновременно является и рефлексией за самим методом. Особенностью «раскопки» оснований является отсутствие (в котором уже неоднократно убедились ученые) иерархии, или единой стратегии предпочтений и отвержений исходных принципов. Таких стратегий много, и они равнозначны, их невозможно ранжировать по единому основанию (стр. 107). Но каковы тогда условия продуктивного диалога?

Их несколько, и они обнаруживаются тонкой аналитической работой, предмет которой — и истина, и ее социальные и экзистенциальные контексты, и интенциональность, и противоречивость, живущие в живой речи, и одновременно затемняющие и проясняющие обсуждаемые проблемы. «Одомашнивание», освоение, втягивание новых жизненных коллизий в обиход мышления и диалога, встречное движение говорящего и слушающего — казалось бы, совсем не эпистемологические категории — играют в данном случае роль фундаментальных предпосылок ГЭ. Автор резюмирует: «К условиям возможности опыта инакомыслия, составляющего специфику оснований биоэтики, относятся:

- осуществляющаяся в *sonatus'e* (усилии/порыве к бытию) конечного человеческого существа, нетематическая, живая функционирующая деятельность, разворачивающаяся в профанной речи как форме живого слова и являющаяся предпосылкой и опорой любой речи экспертов в вопросах истины и блага (основание их непритязательности);

- беседа как деятельная форма живого слова, продуцирующая непредусмотренные экспертным усмотрением результаты;
- желание сказать и быть услышанным, иницирующее беседу, в которой реализуется фундаментальный и неисчерпаемый импульс культуры к одомашниванию реальности в себе и вне себя;
- спор культурных порядков по поводу схватывания смысла (того, о чем ведётся речь), воплощенного (телесно укоренённого) в неслышной и безвидной беседе глаза и уха;
- публикация как радикальная само-отверженная жертва «я», раскрывающая онтологически укоренённое место для другого — само-приверженно инакомыслящего существа — «ты» (стр. 124-125). О попытке опустить эту методу в материал речь пойдет ниже.

Размышляя о методе и предназначении ГЭ, В.И. Моисеев, вслед за И.Т. Фроловым, Б.Г. Юдиным и И.И. Ашмариним, акцентирует глобальный контекст и политическую ответственность элит общества, требующий принципиально нового гуманитарно ориентированного мышления и политической воли, наполняя старые мехи научного управления обществом новым вином гуманистического разума (вып. 3, стр. 143). Критерием оптимальности при решении экспертных проблем должна стать «аксиома превышающего значения»: «из двух альтернатив предпочтительнее та, которая включает в себя другую альтернативу и восполняет ее чем-то новым» (стр. 144). Методическими шагами для таких решений могут служить следствия аксиомы: учет контекстности оценки альтернатив, возможная инверсия оценки с расширением контекстов, стремление расширить контексты, ограничение реального решения существующими контекстами, опора на неявную, но строгую аксиологию проблемы, создание диалога неявной аксиологии и ее рациональных реконструкций (стр. 150).

Более детально метод ГЭ автор описывает в концепции интервального подхода, суть которого состоит в том, что антиномические проблемы могут быть решены в рамках интервалов, в которых элементы знания (автор вводит понятия «антиномов», «биоэтов», «глоболоков») могут получать непротиворечивую интерпретацию (вып. 4, стр. 153). Автор формулирует также понятие «гуманитарной нормы» (стр. 162), которое должно стать эксплицитным постулатом при проведении ГЭ.

«Подлинная глобальная экспертиза, — пишет автор, — должна опираться на некоторый глобальный проект человеческой истории» (вып. 3, стр. 51). Этот проект автор резюмирует в гипотезе «Системы Клио» — модели исторического развития с динамическими и стабильными контурами, позволяющей фиксировать узловые (бифуркационные) точки и на этом основании соотносить прогнозы с историей, и, следовательно, повышать эффективность ГЭ.

Но и этого мало. Современная наука не может стать основой ГЭ. Необходим выход на новый уровень знания — транснауки, вышедшего за пределы постнеклассического этапа развития науки (вып. 5, стр. 87). «Транснаука — это тип научного знания, предполагающий принципиально новую парадигму представлений о реальности, в основе которой феномен жизни и сознания окажется фундаментальным онтологическим состоянием, укорененным в самих основаниях бытия» (стр. 90). В основе транснауки лежат две «фундаментальные инновации — расширенный (эписенсорный) эмпирический базис и научная метафизика в теоретической сфере» (стр. 92). Новый шаг в повышении обоснованности, теоретичности и научности гуманитарного знания автор связывает с созданием собственных гуманитарно-измерительных процедур. В общем случае тема гуманитарной экспертизы может быть представлена как определенная методология оценки возможных гуманитарных рисков и выигрышей от будущего применения некоторого инновационного проекта. Задачи гуманитарной экспертизы оказываются существенно транснаучными (стр. 104-105).

Однако не все авторы согласны ждать торжества транснауки. Р.Р. Билялетдинов (вып. 3, стр. 109) предпринял обзор уже существующих тенденций биоэтической экспертизы за рубежом. Несмотря на более или менее признанные критерии этической оценки — автономии, справедливости и безопасности, очень многие области моральных оценок в высшей степени дискуссионны. Рассматривая такие области моральной экспертизы, как нанотехнологии в медицине, имплантантные технологии, генетические модификации, автор полагает, что при калькуляции рисков и пользы «использование биоэтических принципов в качестве этических регулятивов... является хорошим методом гуманизации биотехнологий» (стр. 118).

4. *Области применения*

√ *Биоэтика*

В уже упомянутой статье Т.В. Мишаткиной (вып. 1, с. 27-47), развернут спектр биоэтических принципов: автономия личности, информированное согласие, добровольность, целостность (имеется в виду уникальность личности, которая не может быть подвергнута риску), уязвимость (человека и социальных общностей), справедливость, предосторожность. Они дополняют уже принятые, но от этого не менее проблемные принципы конфиденциальности, «не навреди», сострадание, милосердие и т.п. Автор ставит задачу замены традиционно патерналистской установки здравоохранения на гуманистическую, этическую.

Эту же тему затрагивают К.Г. Сурнов, П.Д. Тищенко, К.Е. Балашова (вып. 1, стр. 141) применительно к клинической психологии. Они подчеркивают необходимость более серьезной подготовки медицинских кадров именно в сфере профессиональной этики.

Я.С. Яскевич (вып. 1, стр. 48) в уже цитированной статье описывает опыт подготовительной работы по созданию национального комитета по биоэтике в Белоруссии, необходимые организационные шаги в области образования, разработки учебных, исследовательских и ведомственных программ.

√ *Медицина*

Философская экспертиза этоса медицины предпринята в статье П.Д. Тищенко (вып. 3, стр. 57). Задачу свою автор видит в том, чтобы описать «трансформацию базисных структур медицинских практик, в результате которых меняется характер массового производства субъект-объектного различия — биополитических аппаратов идентификации и самоидентификации» (стр. 40). Базисные практики — это модели отношения «врач — пациент» в традиционной ситуации, которую автор обозначил как «медицинская», а также в «социальной» и «экзистенциальной», в которых отношения власти и подчинения оказываются совершенно разными. Анализ этих моделей и сам по себе есть ГЭ медицины как работы врача с пациентом, и одновременно непосредственная демонстрация метода этой экспертизы, когда он не обсуждается эксплицитно, а применяется.

√ *Научные исследования*

Значительный опыт экспертизы научно-технических решений был накоплен основоположником ГЭ И.Т. Фроловым. Его вклад в разработку основ ГЭ подробно освещен в публикациях Г.Л. Белкиной и С.Н. Корсакова (см. выпуски 2, 3, 4, 5). Ряд своих работ во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг. И.Т. Фролов посвятил вопросу о выработке социально-нравственных принципов этики генетического контроля. Этические регулятивы, критерии допустимости и недопустимости должны определяться в зависимости от понимания исходных философских принципов гуманизма. Познание, которое оборачивается во вред человеку, является социально и гуманистически неприемлемым. Философ не только активно разрабатывал теорию, но и принимал самое живое и инициативное участие в практической реализации идей ГЭ. В 1991 г. он стал председателем национального Комитета по биоэтике, выступил инициатором создания Института человека, еще в середине 80-х гг. активно работал в экспертной комиссии по вопросу переброски рек с Севера на Юг, а программа «Человек, наука, общество: комплексные исследования» (1989 г.) до сих пор остается единственной программой, получившей солидное госфинансирование, в которой планировались широкие исследования по ГЭ (подробнее, см.: вып. 3, стр. 94-107).

√ *Психология и психоанализ*

Основательную проработку этической проблематики, связанную с психологией, предприняла в ряде публикаций Ф.Г. Майленова. В ее работах ГЭ подвергаются ситуации, связанные с восприятием человеком различных жизненных коллизий — подвижности и изменения нравственных ценностей (вып. 3, стр. 42-56), подчинения власти (вып. 3, стр. 73-85), морального выбора в трудной ситуации (вып. 1, стр. 121-139), боли (вып. 4, стр. 85-89), пересмотра или следования своим убеждениям (вып. 2, стр. 159-163). Автор показывает продуктивность идеи ГЭ на «микроуровне» работы с людьми. В смежных с психологией областях — трактовке природы человека, образовании и даже взаимосвязях гипнотерапии с дзен-буддизмом автор ищет практические выходы из теоретических установок ГЭ — в ассистированном моральном выборе, психологической, психоаналитической и гипно-терапии, эмоциональной коррекции в процессе учебы. Тем самым представление о ГЭ приобретает вполне зримые, практические чер-

ты, непосредственно направленные на решение трудных жизненных ситуаций.

√ *Экология, политика*

Начало экологической экспертизы с участием философов тоже связано с именем И.Т. Фролова (вып. 2, стр. 35). В 80-х гг. прошлого века он вошел в бюро Научного совета АН СССР по проблемам биосферы, активно работал в Экспертной комиссии Госплана РСФСР по переброске части стока северных рек в бассейн Волги. Что касается самого главного предмета (или области приложения) ГЭ — политических решений, то опять, ссылаясь на имя академика И.Т. Фролова, можно вспомнить о создании по его инициативе группы политического анализа при ЦК КПСС (вып. 3, стр. 99), которую ученый предлагал превратить в Научно-консультативный совет при Президенте СССР. Однако этот проект остался нереализованным.

5. *Реальные практики*

Все теоретические, методологические и методические разработки суть не что иное, как пропедевтика реальных практик ГЭ. В этом — самое главное, основное предназначение всех усилий ученых построить строгое, достоверное, надежное основание ГЭ. Тем не менее, читатель уже убедился в том, что обоснование — еще не гарантия эффективности ГЭ. Главная беда в том, что она оказывается невостребованной, ненужной и даже вредной в ситуации волевых решений, связанных с интересами тех или иных субъектов, а попросту — клик политических, хозяйственных или военных чинов, ставящих групповые или личные интересы выше общественных. Так, инициативы И.Т. Фролова об институционализации ГЭ сперва не нашли поддержку, а затем были реализованы на локальном уровне при создании Института человека. Но и этот проект был постепенно сведен на нет. Тем интереснее работы, в которых предприняты практические ГЭ различных сфер деятельности.

О некоторых из них уже упоминалось (медицина — в работах П.Д. Тищенко, психология и психотерапия — Ф.Г. Майленовой, экология — И.Т. Фролова, о биоэтической экспертизе биотехнологий идет речь в обзоре Р.Р. Билялетдинова), о некоторых следует сказать в завершение обзора.

В нескольких выпусках подряд идут статьи О.А. Скоркина — в первом выпуске опубликована статья, посвященная ГЭ школьного образования

(вып. 1, стр. 180), во втором выпуске — школьной проектной деятельности (вып. 2, стр. 211), в третьем — виртуальным элементам школьного образования. Эти материалы содержат основные элементы ГЭ, отмеченные в рамочной статье И.И. Ашмарина и Б.Г. Юдина — анализ основных проблемных зон, описание новых обстоятельств, влияющих на систему образования в школе, формулировка объяснительных гипотез, выявление возможных (и необходимых) последствий невмешательства в текущие процессы, предложения по совершенствованию системы образования. Главное, что дает постановка проблемы ГЭ образования — это видение реального масштаба и направлений необходимой работы, сочетающие в себе глобальный, государственный и локальный уровни.

Г.Б. Степанова (вып. 2, стр. 129) представила еще один вариант ГЭ на микроуровне — речь идет об анализе и оценке экспертами в ходе работы круглого стола программы по изучению поведения подростков-школьников. При этом дискуссия вышла с уровня обсуждения методики анкетирования на глубокие вопросы, связанные с особенностями ситуации подростков в обществе и с педагогическими задачами всего «педагогического пространства».

Естественно, что этическая проблематика в контексте ГЭ и биоэтики не остается только в рамках теоретических рассуждений. Конкретные особенности морального консультирования (Ф.Г. Майленова; вып. 1 стр. 121-140) и проблемы этики в клинической психологии (вып. 1, стр. 141-149) могут служить прямыми образцами соответствующей профессиональной деятельности психологов и психотерапевтов.

Наконец, нельзя не упомянуть проблемы виртуалистики, которые обсуждаются во всех выпусках, и хотя не относятся напрямую к ГЭ, имеют к ней заметное тяготение. Г.П. Юрьев и М.А. Пронин (вып. 3, стр. 183) обосновывают свое понимание единства памяти («виртуалистики памяти», по их терминологии), разума и бытия как «виртуала», и предлагают понятийный аппарат, построенный на этом основании, для оценки гуманитарных рисков и измерения внутреннего мира личности при помощи эгоскопии. Это «технология синхронного измерения а) ментальных, б) вегетативных, в) пиктографических волевых и неосознаваемых психических и физиологических» (стр. 198) особенностей людей. В таком качестве эгоскопия может, предполагают авторы, стать методом ГЭ.

Список источников (общее название сборников «Биоэтика и гуманитарная экспертиза» перед каждым источником не указывается, указывается номер выпуска и страницы).

1. Ашмарин И.И., Б.Г. Юдин. Основы гуманитарной экспертизы // Человек. 1997. № 3.
2. Белкина Г.Л., Корсаков С.Н. И.Т. Фролов о роли гуманистических ценностей в научном познании (вып. 4, стр. 90-101).
3. Белкина Г.Л., Корсаков С.Н. И.Т. Фролов и становление отечественной биоэтики (вып. 2, стр. 18-54).
4. Белкина Г.Л., Корсаков С.Н. И.Т. Фролов о философских основаниях гуманитарной экспертизы (вып. 3, стр. 86-108).
5. Билялетдинов Р.Р. Биоэтическая экспертиза биотехнологий: оценка рисков и пользы (вып. 3, стр. 109-118).
6. Билялетдинов Р.Р. Этическое регулирование нанотехнологий: исследовательская этика или напэтика? (вып. 4, стр. 68-74).
7. Билялетдинов Р.Р. Риск как элемент этики новых технологий в области биомедицины (вып. 5, стр. 53-67).
8. Гребенщикова Е.Г. Трансдисциплинарные основания биоэтического знания (вып. 4, стр. 139-152).
9. Майленова Ф.Г. Влияние эмоций на качество обучения. Принцип позитивного подкрепления (вып. 5, стр. 149-169).
10. Майленова Ф.Г. Комплексный анализ последствий морального выбора (вып. 1, стр. 121-140).
11. Майленова Ф.Г. Возможности модификации природы человека сегодня (вып. 2, стр. 83-94).
12. Майленова Ф.Г. Нравственно-психологические аспекты работы с убеждениями (вып. 2, стр. 159-163).
13. Майленова Ф.Г. В изменчивом мире современных нравственных ценностей (вып. 3, стр. 42-56).
14. Майленова Ф.Г. Нравственно-психологические основания типичных проблем с авторитетом власти (вып. 3, стр. 73-85).
15. Майленова Ф.Г. Влияние системы убеждений на отношение к боли (вып. 4, стр. 75-89).

16. Майленова Ф.Г. Современная гипнотерапия и дзэн-буддизм (вып. 4, стр. 127-138).
17. Мишаткина Т.В. Универсальные принципы, моральные нормы и ценности биомедицинской этики (вып. 1, стр. 27-47).
18. Моисеев В.И. Глобально-стратегический контекст проблемы гуманитарной экспертизы инновационных проектов (вып. 3, стр. 139-155).
19. Моисеев В.И. Транснаучные измерения биоэтики (вып. 5, стр. 87-107).
20. Моисеев В.И. Интервальный подход к гуманитарной экспертизе (вып. 4, стр. 153-171).
21. Скоркин О.А. Гуманитарная экспертиза в системе образования (вып. 1, стр. 180-194).
22. Скоркин О.А. Экспертиза в школьной проектной деятельности (вып. 2, стр. 211-229).
23. Скоркин О.А. Виртуальное в среде образования (вып. 3, стр. 224-236).
24. Степанова Г.Б. Опыт гуманитарной экспертизы социологического исследования поведения подростков (материалы Круглого стола) (вып. 2, стр. 129-158).
25. Тищенко П.Д. Этические проблемы развития битехнологий (вып. 2, стр. 55-82).
26. Тищенко П.Д. Угроза множественности и идея гуманитарной экспертизы (вып. 2, стр. 102-128).
27. Тищенко П.Д. Врачевание как власть (абрис проблемы) (вып. 3, стр. 57-72).
28. Тищенко П.Д. Биотехнологическая ре-де-конструкция человеческого в человеке: казус сексуальности (вып. 3, стр. 139-138).
29. Юдин Б.Г. Биомедицинские исследования как объект философского осмысления (вып. 2, стр. 3-17).
30. Юдин Б.Г. Человек в научном познании: методология и ценности (вып. 3, стр. 21-41).
31. Юдин Б.Г. Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий (вып. 4, стр. 13-33).
32. Юдин Б.Г. Об ответственном поведении исследователей (вып. 5, стр. 13-38).
33. Юдин Б.Г. Чтоб сказку сделать былью? (вып. 1, стр. 3-26).
34. Юрьев Г.П., Пронин М.А. Виртуалистика памяти и гуманитарная экспертиза (вып. 3, стр. 183-204).
35. Яскевич Я.С. Биоэтика в контексте междисциплинарных стратегий и механизмов создания этических комитетов (вып. 1, стр. 48-69).

Список литературы:

1. Биоэтика и гуманитарная экспертиза: Пробл. геномики, психологии и виртуалистики / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. Отв. ред. Ф.Г. Майленова. М.: ИФ РАН, 2008. 223 с.
2. Биоэтики и гуманитарная экспертиза. Вып. 2 / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. Отв. ред. Ф.Г. Майленова. М.: ИФ РАН, 2008. 230 с.
3. Биоэтики и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып. 3 / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. Отв. ред. Ф.Г. Майленова. М.: ИФ РАН, 2009. 236 с.
4. Биоэтики и гуманитарная экспертиза. Вып. 4 / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. Отв. ред. Ф.Г. Майленова. М.: ИФ РАН, 2010. 255 с.
5. Биоэтики и гуманитарная экспертиза. Вып. 5 / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. Отв. ред. Ф.Г. Майленова. М.: ИФ РАН, 2011. 252 с.

References (transliteration):

1. Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza: Probl. genomiki, psikhologii i virtualistiki / Ros. Akad. Nauk, In-t filosofii. Otв. red. F.G. Maylenova. M.: IF RAN, 2008. 223 s.
2. Bioetiki i gumanitarnaya ekspertiza. Vyp. 2 / Ros. Akad. Nauk, In-t filosofii. Otв. red. F.G. Maylenova. M.: IF RAN, 2008. 230 s.
3. Bioetiki i gumanitarnaya ekspertiza: kompleksnoe izuchenie cheloveka i virtualistika. Vyp. 3 / Ros. Akad. Nauk, In-t filosofii. Otв. red. F.G. Maylenova. M.: IF RAN, 2009. 236 s.
4. Bioetiki i gumanitarnaya ekspertiza. Vyp. 4 / Ros. Akad. Nauk, In-t filosofii. Otв. red. F.G. Maylenova. M.: IF RAN, 2010. 255 s.
5. Bioetiki i gumanitarnaya ekspertiza. Vyp. 5 / Ros. Akad. Nauk, In-t filosofii. Otв. red. F.G. Maylenova. M.: IF RAN, 2011. 252 s.